

*Мистеру Коулу и мистеру Коксу,
стражам порядка*

*Джентльмены,
в книге, которую вы сейчас держите в руках, затро-
нута тема гнусного преступления, того самого, что
вы предотвратили, проявив беспримерное мужество
и снискав себе славу¹. Писать о нем со всей серьезно-
стью означало бы попусту тратить чернила. Преис-
полняться ужаса надлежит при мысли о злодеяниях,
вдохновенных чувствами более сложными, когда пре-
ступление сохраняет некоторые черты благородст-
ва и когда разум, доброта и сострадание, не в силах
противиться искушению, готовы хотя бы отчасти
оправдать содеянное. В данном случае с ужасом сле-
дует взирать на мистера Парнелла: он предстанет
перед судом потомков, безмолвствуя, тогда как об-
винения из уст мистера Форстера будут звучать*

¹ 24 января 1885 года констебль Уильям Коул во время полицейского дежурства обнаружил в Вестминстерском дворце, где располагаются залы заседаний британского парламента и проводятся многочисленные экскурсии, саквояж со взрывчаткой, как затем оказалось, подложенный ирландскими террористами-фениями. Рискуя собой, Коул попытался вынести начиненный динамитом саквояж из переполненного в этот час здания. На помощь Коулу храбро бросился его напарник, констебль Кокс. Саквояж взорвался у них в руках, оба они получили тяжелые ранения, однако жертв удалось избежать. — *Здесь и далее примеч. перев.*

в веках¹. С ужасом следует нам обратить взор на самих себя, ибо мы до сих пор заигрывали с политическими преступлениями, не давая им серьезной оценки, не устанавливая пронизательно их причин и неизбежных последствий, но испытывая к ним великодушное, ни на чем не основанное восторженное сочувствие, под стать школьнику, увлеченно, с детским восхищением следящему за перипетиями сюжета дешевой, низкопробной «страшной» повести. Но когда политические преступления коснулись нас самих, обнаружив свое поистине мерзкое, низменное обличье, мы тотчас же отреклись от своих прежних фантазий и осознали, что преступление нисколько не утрачивает жестокости и гнусности, даже приняв пышное, благозвучное имя, и отвергли прежде боготворимых идолов.

Однако серьезность как нельзя более уместна в разговоре о наших защитниках. Кто бы ни был прав в хаосе этой великой войны политических партий и течений, какими бы алчными мотивами, угрозами или запугиванием ни запятнали себя обе стороны этого бесчеловечного соперничества, — по крайней мере, ваша сторона, ваша роль не подлежит никаким сомнениям. На вашей стороне ребенок, женщина-мать, сочувствие отдельного человека и доверие большинства. Даже если бы наше общество превратилось в сущее царство дьявола (а найдется немало тех,

¹ Британский политик Уильям Эдвард Форстер, в 1880–1882 годах занимавший пост министра по делам Ирландии, публично обвинил на заседании парламента лидера ирландских националистов Чарльза Стюарта Парнелла в причастности к террористическим актам и политическим убийствам, совершенным фениями; впоследствии Парнелл был оправдан, обвинения в его адрес признаны безосновательными.

кто и вправду присягнул ему на верность), оно пока не лишилось многих своих достойных черт, в нем същется много невинных, защищать которых — обязанность возвышенная и славная. Мужество и беззаветная преданность своему делу, столь часто присущие стражам порядка, столь редко признаваемые, столь скудно вознаграждаемые, наконец-то были увековечены героическим поступком, который войдет в историю. В памяти британцев мистер Парнелл навеки запечатлется безмолвно внимающим обвинениям мистера Форстера, а Гордон¹ — отправляющимся исполнить свою последнюю, трагическую миссию, но также британцы не забудут ни мистера Коула, голыми руками несущего динамит, ни мистера Кокса, бесстрашно бросающегося ему на помощь.

*Роберт Льюис Стивенсон,
Фанни Ван де Грифт Стивенсон*

¹ Знаменитый британский генерал Чарльз Джордж Гордон в 1885 году попытался вывести из осажденной мятежниками столицы Судана Хартума войско египтян — союзников Великобритании и эвакуировать находящихся там европейцев, осознавая, что его задача невыполнима, а сам он обречен. Неоднократно мужественно отказывался бросить на произвол судьбы вверенных ему солдат и гражданских лиц и уйти из Хартума. Погиб от рук повстанцев — религиозных фанатиков при штурме города.

ПРИМЕЧАНИЕ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЯ

Вполне возможно, что вы взялись за эту книгу, не будучи знакомым с ее предшественницей — первой частью «Приключений принца Флоризеля». Тем хуже для вас и для меня, а точнее, для моих издателей. Но если вам и вправду так не посчастливилось, самое малое, что я могу для вас сделать, — это намекнуть на одну деталь. Когда на страницах этой книги вам встретится упоминание о некоем Теофилусе Годоле, владельце «Богемской табачной лавки» на Руперт-стрит, в Сохо, будьте готовы узнать в нем самого принца Флоризеля, в прошлом одного из европейских монархов, ныне низложенного, изгнанного, разоренного и избравшего своим ремеслом табачную торговлю.

Р. Л. С.

ПРОЛОГ В ТАБАЧНОЙ ЛАВКЕ

В городе нечаянных свиданий, в этом Багдаде Запада, или, точнее, на широко раскинувшейся мощенной камнем площади Лестер-сквер двое молодых людей лет двадцати пяти — двадцати шести встретились после долгой разлуки. Один из них, отличавшийся весьма изысканными манерами и одетый по последней моде, тотчас же узнал своего приятеля, исхудалого, в поношенном костюме.

— Кого я вижу! — воскликнул он. — Пол Сомерсет!

— Я точно Пол Сомерсет, — отвечал другой, — или, по крайней мере, то, что осталось от него после заслуженных испытаний бедностью и судебными разбирательствами. Однако вы, Чаллонер, насколько не изменились; можно сказать без всякого преувеличения: «Десница времени морщин не провела / на синей глади твоего чела»¹.

¹ В оригинале обыгрываются строки поэмы Джорджа Гордона Байрона «Паломничество Чайльд Гарольда» («Childe Harold's Pilgrimage», 1812–1818), изображающие безмятежное море («Time writes no wrinkle on Thine azure brow — / Such as Creation's dawn beheld, Thou rollest now» (IV, st. 182); «Время не проведет ни единой морщины на твоём лазурном челе — / Ты и теперь катишь свои волны, такое же, как на рассвете мироздания»).

— Не все золото, что блестит, — возразил Чалло-нер. — Но мы выбрали весьма неудачное место для доверительных признаний и не даем пройти этим ле-ди. Давайте, с вашего позволения, найдем уголок по-укромнее.

— Разрешите мне проводить вас, — отвечал Со-мерсет, — и я смогу предложить вам лучшую сигару в Лондоне.

И с этими словами, взяв своего приятеля под ру-ку, он молча, быстрым шагом, отвел его к дверям не-приметного заведения на Руперт-стрит, в Сохо. Вход в него украшала одна из тех гигантских деревянных фигур шотландского горца, что уже обрели едва ли не статус почтенных древностей, а на витрине, где был выставлен обычный набор курительных трубок, табака и сигар, виднелась надпись золотыми буква-ми: «Богемская табачная лавка Т. Годола». Помеще-ние лавка занимала небольшое, но уютное и богато убранное; их встретил хозяин заведения, серьезный, улыбчивый и чрезвычайно учтивый, и молодые лю-ди, попыхивая изысканными регалиями, вскоре рас-положились на плюсовом, мышиного цвета, диване и продолжили разговор.

— Теперь я барристер¹, — поведал Сомерсет, — но Провидение и атторней² до сих пор лишали меня возможности показать себя в полном блеске. Вече-ра я проводил в избранном обществе, собирающем-ся в трактире «Чеширский сыр»; дни мои, как мо-жет засвидетельствовать мистер Годол, проходили

¹ *Барристер* (англ. barrister) — адвокат, имеющий право выступать в высших судах Великобритании, член одного из так на-зываемых судебных иннов, т. е. адвокатских корпораций.

² *Атторней* (англ. attorney) — поверенный, доверенное ли-цо, представляющее интересы своего клиента в суде.

по большей части на этом диване, а утра свои я из предосторожности взял привычку сокращать, не просыпаясь до полудня. Такими темпами я очень быстро и, с гордостью припоминаю, не без приятности промотал свое наследство. С тех пор некий джентльмен, единственное достоинство которого заключается в том, что он приходится мне дядей с материнской стороны, выдает мне небольшую сумму, по десять шиллингов в неделю; и если вы вновь когда-нибудь увидите, как я празднично фланирую, разглядывая уличные фонари в своем любимом квартале, то без труда догадаетесь, что я получил состояние.

— Кто бы мог подумать, — протянул Чаллонер. — Но я, несомненно, повстречал вас, когда вы шли к своим портным.

— Визит к ним я намеренно откладываю, — с улыбкой проговорил Сомерсет. — Мое состояние весьма ограничено. Оно равняется, или, по крайней мере, этим утром равнялось, ста фунтам.

— Не удивительно ли, — поразился Чаллонер, — что за странное совпадение! Я и сам доведен едва ли не до крайности и располагаю точно такой же суммой!

— Вы?! — воскликнул Сомерсет. — И однако, царь Соломон во славе своей...

— Увы, с этим приходится мириться. Признаюсь, я на мели, приятель, — сказал Чаллонер. — Кроме той одежды, что сейчас на мне, в моем гардеробе не сыщется даже одних приличных штанов, и, если бы знал как, я тотчас же поступил бы куда-нибудь на службу или занялся коммерцией. Имея сто фунтов капитала, мужчина не может не добиться чего-то в жизни.

— Пожалуй, и так, — откликнулся Сомерсет, — но что мне делать с моей сотней — ума не приложу.

Мистер Годол, — добавил он, обращаясь к хозяину лавки, — вы повидали мир: что молодой человек, получивший солидное образование, может сделать с сотней фунтов?

— Смотря по обстоятельствам, — отвечал торговец, вынимая изо рта манильскую сигару. — «Признавай власть денег» — заповедь, совершенно мне чуждая; тут я объявляю себя скептиком. На сотню фунтов вы с трудом проживете год, с несколько большим трудом истратите ее за ночь и без всяких усилий потеряете за пять минут на Лондонской фондовой бирже. Если вы принадлежите к числу тех, кто борется с судьбой, то столь же полезен, как и сотня фунтов, вам будет пенс, а если вы из тех, кто прозябает, сетуя на судьбу, то пенс у вас в руках окажется столь же бесполезен, как и сотня фунтов. Когда сам я внезапно обнаружил, что остался в жестоком мире один, без денег, помощи и поддержки, мне посчастливилось вспомнить, что я владею одним искусством, а именно умею отличить хорошую сигару. Вы обладаете хоть какими-нибудь знаниями, мистер Сомерсет?

— Не знаю даже законов, — откликнулся тот.

— Ответ, достойный мудреца, — констатировал мистер Годол. — А вы, сэр? — продолжал он, обращаясь к Чаллонеру. — Могу ли я, как друг мистера Сомерсета, задать вам тот же вопрос?

— Что ж, — проговорил Чаллонер, — я недурно играю в вист.

— Сколько сыщется в Лондоне людей, — сказал торговец, — у которых тридцать два зуба? Поверьте, молодой джентльмен, тех, кто недурно играет в вист, в Лондоне найдется еще больше. Вист, сэр, распространен чрезвычайно широко; умение играть в вист —

достижение невеликое, сродни способности дышать. Однажды я познакомился с юнцом, который объявил мне, что усердно изучает науки, готовясь стать лорд-канцлером Англии; весьма честолюбивое намерение, несомненно, однако оно несколько уступает замыслу человека, мечтающего зарабатывать на жизнь игрой в вист.

— Боже мой, — произнес Чаллонер, — боюсь, мне придется унизиться до того, чтобы найти службу.

— Унизиться до того, чтобы найти службу? — повторил мистер Годол. — Неужели, если благочинного лишат сана, он унижится, заняв пост майора? Неужели, если армейского капитана уволят со службы, он унижится, вступив в должность рядового судьи? Я не устаю удивляться наивности вашего среднего класса. Он полагает, будто вне его пределов царят всеобщее невежество, грубость и упадок нравов, поражающие всех без разбору, однако на взгляд внимательного наблюдателя все сословия образуют отчетливую, стройную иерархию, каждое звено которой обладает собственными похвальными способностями и знаниями. В силу недостатков вашего образования вы не более способны сделаться простым служащим, чем правителем империи. У ваших ног, сэр, разверзлась бездна, а истинно учеными, требующими подлинного искусства профессиями, единственными, на какие не в силах еще притязать самодовольный дилетант, остаются ремесленные.

— Какой же он напыщенный и высокопарный, — прошептал Чаллонер на ухо своему приятелю.

— Да уж, он неподражаем, — прошептал в ответ Сомерсет.

В эту минуту дверь лавки отворилась, вошел третий молодой человек и довольно робко спросил табака. Он был моложе остальных и отличался какой-то неброской, неповторимо английской пригожестью. Получив свой табак, он закурил трубку и, усевшись на диван, отрекомендовался Чаллонеру, назвавшись Десборо.

— Что ж, Десборо, — осведомился Чаллонер, — вы где-нибудь служите?

— Сказать по правде, — отозвался Десборо, — я решительно ничем не занимаюсь.

— Выходит, у вас есть собственное состояние? — поинтересовался его собеседник.

— Нет, — довольно мрачно отвечал Десборо. — Признаться, я все жду, не подвернется ли какой-нибудь шанс.

— Значит, мы все в одной лодке! — воскликнул Чаллонер. — Может быть, у вас тоже есть всего сто фунтов?

— И того нет, — сказал мистер Десборо.

— Какое жалкое зрелище, мистер Годол, — подвел итог Сомерсет, — трое никчемных юнцов.

— Никчемные юнцы — характерное порождение этого суетливого и пустого века, — изрек торговец.

— Сэр, — возразил Сомерсет, — не соглашусь с вами, что век наш суетливый и пустой, признаю всего один непреложный факт: что я никчемен, он никчемен и что все мы трое совершенно никчемны. На что я гожусь? Я лишь самым поверхностным образом изучил начатки юриспруденции, изящной словесности, географии, математики и имею некоторые практические познания в судебной астрологии; и вот лондонская жизнь с ревом проносится мимо

меня в конце этой улицы, а я стою беспомощный, как младенец. Я испытываю безграничное презрение к своему дяде, но стоит ли отрицать, что без него я просто распадусь на отдельные элементы, словно нестойкий химический состав? Я начинаю понимать, что необходимо досконально знать хоть что-нибудь, пусть даже литературу. И все же, сэр, отличительная примета этой эпохи — светский человек; он обладает множеством самых разнообразных знаний, он повсюду чувствует себя как дома, он видел жизнь во всех ее проявлениях, и не может же привычка к подобному существованию не принести какие-нибудь плоды. Я полагаю себя светским человеком, получившим утонченное образование и воспитание, талантливым *sar-à-rie*¹. А вы, мистер Десборо?

— Да-да, — откликнулся означенный молодой человек.

— Что ж, мистер Годол, вот перед вами три светских человека, не имеющих на троих ни единой службы, ремесла или какого-либо полезного занятия, однако заброшенных волею судьбы в стратегический центр Вселенной (вы ведь позволите мне именовать так Руперт-стрит?), в самое средоточие людского океана, в пределах слышимости самого непрерывного звона монет, какой только оглашал поверхность Земли. Сэр, что же делать нам, цивилизованным людям? Я покажу вам. Вы выписываете какую-нибудь газету?

— Я выписываю, — торжественно изрек мистер Годол, — лучшую газету на свете, «Стандард».

— Отлично, — резюмировал Сомерсет. — Сейчас я держу ее в руках, и что же она такое, как не глас це-

¹ Здесь: с головы до ног; во всем (*фр.*).

лого мира, телефон, без конца оповещающий о нуждах и потребностях людских? Я открываю ее, и на что же упадет первым мой взгляд — нет, не на рекламу пилюль Моррисона, — а, да, конечно, вот то, что я искал, здесь и чуть выше, вот где ахиллесова пята, слабое место, прореха в доспехах общества... Вот призыв о помощи, вот завуалированная жалоба на несправедливость, вот благодарность, готовая принять осязаемую, материальную форму: «Две сотни фунтов вознаграждения. Означенная сумма будет выплачена тому, кто сообщит любые сведения о личности и местонахождении человека, замеченного вчера в окрестностях Грин-парка. На вид он более шести футов ростом, с чрезвычайно широкими плечами, коротко стрижен, с черными усами, носит котиковую шубу». Вот как мы если не сделаем состояние, джентльмены, то по крайней мере заложим основы своего будущего достатка.

— Дружище, вы предлагаете нам сделаться сыщиками? — осведомился Чаллонер.

— Нет, сэр, это не я предлагаю нам сделаться сыщиками, — воскликнул Сомерсет. — Это сама судьба, сам ход вещей, само мирозданье повелевает нам избрать подобное поприще. Здесь мы сможем применить все свои таланты, здесь пригодятся наши манеры, привычка к светскому обращению, умение вести беседу, гигантский запас отрывочных знаний — все наши достоинства и сильные стороны в совокупности являют набор свойств, необходимых как воздух совершенному, идеальному сыщику. Коротко говоря, это единственная профессия, которая пристала джентльмену.

— Напрасно вы старались нас увлечь столь красноречиво, — ответил Чаллонер, — ведь до сего дня

я пребывал в убеждении, что из всех грязных, подлых, недостойных джентльмена занятий это — самое низменное и ничтожное.

— Но как же защита общества? — возразил Сомерсет. — Готовность рисковать собственной жизнью ради других? Искоренять тайное, могущественное зло? Я обращаюсь к мистеру Годолу. Уж он-то, по крайней мере, философический наблюдатель жизни, отвергнет такие мещанские взгляды. Он знает, что страж порядка, поскольку обстоятельства неизменно вынуждают его противостоять превосходящим силам, будучи к тому же хуже вооруженным и руководствующимся более достойными мотивами, и внешне, и по сути своей благороднее солдата. Кстати, уж не обманываете ли вы самого себя, полагая, будто генерал будет требовать или ожидать от лучшей армии, которой он когда-либо командовал, и во время самой решающей битвы, поведения обычного констебля на Пекхем-Рай?¹

— Я и не предполагал, что нам предстоит вступить в ряды полиции, — сказал Чаллонер.

¹ Здесь арабский автор помещает одно из своих отступлений. Видимо опасаясь, что несколько эксцентричные взгляды мистера Сомерсета бросят тень на истинную роль стражей порядка, он призывает англичан с благодарностью вспомнить о совершенных полицейскими подвигах, об их героических деяниях, оставшихся незамеченными, обо всех случаях, когда они, выполняя свой служебный долг, бесстрашно вступали в борьбу с превосходящим их численно и лучше вооруженным противником, когда они зачастую в одиночку бросали вызов преступникам. Арабский автор напоминает о том, сколь скудно вознаграждается служба в полиции, не приносящая стражам порядка ни денег, ни славы. Как представляется переводчикам, здесь он касается вопросов слишком серьезных, чтобы всесторонне обсудить и исчерпать их на страницах этой книги. — *Примеч. автора.*

— Это ни к чему. Я говорил о руках, а нам надлежит сделаться головой, сэр! — воскликнул Сомерсет. — Итак, решено! Мы выследим этого злодея в котиковой шубе.

— Допустим, мы согласны, — ответил Чаллонер, — но у вас нет плана, нет знаний, вам невдомек, с чего начать.

— Чаллонер! — воскликнул Сомерсет. — Неужели вы придерживаетесь учения о свободе воли? Неужели вы столь лишены склонности к философским размышлениям, что продолжаете разделять давно изжившие себя заблуждения? Земной суетой повелевает Случай, слепой бог язычников, и на него единого я уповаю. Случай свел нас вместе; затем, когда мы распрощаемся и каждый двинется своим путем, Случай будет непрестанно открывать нашему беззаботному взору тысячи убедительных ключей к разгадке не только этой, но и иных бесчисленных тайн, окружающих нас ежедневно. Вот тут-то и вступает в игру светский человек, прирожденный и развивший свои способности сыщик. На этот ключ к разгадке преступления, который целый город даже не замечает, сыщик бросается с кошачьей быстротой, завладевает им, опираясь на него, ведет расследование увлеченно и искусно и по одному ничтожному обстоятельству восстанавливает всю картину преступления.

— Именно так, — произнес Чаллонер, — и я в восторге оттого, что вы открыли в себе столь похвальные качества. Но пока, старина, признаюсь, я не в силах к вам присоединиться. Я не родился сыщиком и не развивал в себе способности детектива, мне выпал жребий кроткого, незлобивого и мучимого жаждой джентльмена, и сейчас мне очень хочется вы-

пить. Если же говорить о ключах к разгадке тайн и о приключениях, то единственное приключение, которое скорее всего меня ожидает, — это встреча с судебным приставом.

— Какой самообман! — воскликнул Сомерсет. — Теперь-то я разгадал секрет вашей никчемности. Мир просто переполняют приключения, приключения теснят вас, не давая пройти по улице, вам призывно машут из окон, к вам бросаются авантюристы, клянущиеся, что познакомились с вами когда-то за границей, вас окликают всевозможные любезные и сомнительные личности, льстиво и подобострастно умоляя их заметить. Но вы не достаиваете их и взглядом: вы отворачиваетесь, вы погружаетесь в свою привычную рутину, вы ходите и ходите по установленному кругу, избрав самый скучный образ жизни. Послушайте, прошу вас, примите с распростертыми объятиями первое же приключение, какое только попадется вам на пути, каким бы оно ни было, подозрительным или романтическим, не упустите свой шанс. Я поступлю точно так же, и, чем бы нам это ни грозило, мы по крайней мере позабудемся, и каждый в свою очередь поведаст историю своих удач и разочарований моему философическому другу, владельцу табачной лавки, великому Годолу, теперь внимающему мне с затаенной радостью. Ну же, по рукам? Обещаете ли вы воспользоваться первым представившимся шансом очертя голову броситься в любой омут и, сохраняя бдительность и хладнокровие, внимательно и вдумчиво наблюдать и изучать происходящее? Ну же, обещайте мне, и я посвящу вас в тайны профессии, как никакая иная требующей хитрости, изворотливости и коварства.

СОДЕРЖАНИЕ

Примечание для читателя	8
Пролог в табачной лавке	9
Приключение Чаллонера	
Дамский угодник	21
История об ангеле смерти	34
Дамский угодник (окончание)	81
Приключение Сомерсета	
Ненужный Особняк	104
Повествование живой и пылкой пожилой леди ...	112
Ненужный Особняк (продолжение)	149
Рассказ Зеро о взрывном устройстве	186
Ненужный Особняк (продолжение)	199
Приключение Десборо	
Коричневый сундук	213
История прекрасной кубинки	223
Коричневый сундук (окончание)	273
Ненужный Особняк (окончание)	290
Эпилог в табачной лавке	303